

Информация для цитирования:

Голиков Л. М. Многонациональный народ Российской Федерации (российская нация) : дискурсивная репрезентация политического субъекта / Л. М. Голиков // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 9—27. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-9-27.

Golikov, L. M. (2023). Multinational People of Russian Federation (Russian Nation): Discursive Representation of a Political Subject. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 9-27. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-9-27. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-9-27

**Многонациональный народ
Российской Федерации
(российская нация):
дискурсивная
репрезентация
политического субъекта**

Голиков Леонид Михайлович

orcid.org/0000-0002-9952-4116

кандидат филологических наук, доцент,

доцент кафедры

русского и иностранных языков

lgolikov@mail.ru

Вологодский институт

права и экономики

Федеральной службы

исполнения наказаний

(Вологда, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта

Российского научного фонда

№ 23-28-00854,

<https://rscf.ru/project/23-28-00854/>

**Multinational People
of Russian Federation
(Russian Nation):
Discursive Representation
of a Political Subject**

Leonid M. Golikov

orcid.org/0000-0002-9952-4116

PhD in Philology, Associate Professor,

Department of Russian and

Foreign Languages

lgolikov@mail.ru

VILE of the FPS of Russia

(Vologda, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported

by Russian Science Foundation,

project number 23-28-00854,

<https://rscf.ru/project/23-28-00854/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На материале Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года исследуются семантические и прагматические особенности репрезентации субъекта, определяемого формулой «многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)», выступающей в качестве актуального инструмента выражения государственной идеологии. Проведена реконструкция релевантных признаков субъекта. Установлено, что формула реализует семантику единства (цельности) на правовом, социокультурном и субъектном уровнях. Единство репрезентируется в качестве предполагаемого состояния субъекта, приобретаемого в результате трансформации его нормативных, эпистемических и этических установок. Выделены и проанализированы регулярные коллокации, представляющие ситуации каузации релевантных признаков субъекта, реализация которых является его нормативной обязанностью. Определен аксиологический статус формулы как «нормативного суждения», выражаемый посредством контраста с аберрациями, определяемыми лексемами, актуализирующими в политико-правовом тексте семантику нарушения единства. Доказан идеологический характер формулы как нормы этической и эпистемической природы, подразумевающей внутреннее неутилитарное побуждение субъекта, основанное на его оценке состояния единства (цельности) как идеального и непреложно истинного.

Ключевые слова:

институциональный национальный дискурс; субъект национальной политики; политико-правовой текст; семантика единства.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

On the basis of the 'Strategy of State National Policy of the Russian Federation for the period until 2025', this study examines the semantic and pragmatic features of representing the subject defined by the formula 'multinational people of the Russian Federation (Russian nation)', which serves as an actual instrument for expressing state ideology. The relevant attributes of the subject are reconstructed. It is established that the formula realizes the semantics of unity (integrity) at the legal, socio-cultural, and subjective levels. Unity is represented as the assumed state of the subject, acquired through the transformation of its normative, epistemic, and ethical orientations. Regular collocations representing situations causing the relevant attributes of the subject are identified and analyzed, with their implementation being the subject's normative obligation. The axiological status of the formula is determined as a 'normative judgment', expressed through contrast with aberrations identified by lexemes that actualize the semantics of violating unity in political-legal texts. The ideological nature of the formula is demonstrated as a norm of ethical and epistemic nature, implying the subject's internal non-utilitarian motivation based on its evaluation of unity (integrity) as an ideal and unconditionally true state.

Key words:

institutional national discourse; subject of national politics; political-legal text; semantics of unity.

Многонациональный народ Российской Федерации (российская нация): дискурсивная репрезентация политического субъекта

© Голиков Л. М., 2023

1. Введение = Introduction

Настоящую работу можно считать продолжением исследований, посвященных языковому и дискурсивному выражению семантики единения [Джигоева и др. 2017; Лики единения..., 2022; Щетинина, 2022], межнациональной интеграции [Поздеев и др. 2018; Руженцева, 2013]. Мы исходим из гипотезы о существовании в современных российских условиях особого национального дискурса, представляющего собой межэтнический диалог, зависимый от национального идеологического многообразия. Данный дискурс в его институциональной разновидности во многом организует Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (далее — Стратегия), утвержденная 19 декабря 2012 года Указом Президента Российской Федерации [Стратегия], где традиционная для законодательного дискурса [Конституция] формула *многонациональный народ Российской Федерации*, предполагающая нецельность называемого субъекта, дополняется обозначением *российская нация*, эту нецельность преодолевающим. Известно, что в наивном представлении «концепты народа и нации существенно отличаются друг от друга» [Жданова, 2000, с. 163]. Прежде всего, как указывает Л. А. Жданова, эта разница состоит в том, что «народ осмысливается как ‘совокупность различий’, а нация — как ‘тождество признаков’» [Жданова, 2000, с. 164].

Можно предположить, что объединение *народа* и *нации* в формуле, обозначающей субъекта национальной политики, не является непреднамеренным или не самым удачным примером синонимического уточнения: после 2012 года в правовом дискурсе *российская нация* функционирует достаточно активно как самостоятельная единица, например, в составе коллокации *укрепление единства российской нации* [О премии ..., 2016].

В качестве способов и средств достижения некоей конечной цели [Стрельников, 2009, с. 4] автор Стратегии демонстрирует стремление выделить «во всем многообразии проявлений и характеристик» «то общее, что объединяет... в одно целое» [Жданова, 2000, с. 164], что может свидетельствовать о значительной трансформации идеологии современной России

в сфере национальной политики, когда для государства становится важным репрезентировать «набор нормативно-нравственных ценностей..., а также основные идеологические предпочтения в ориентирах государственного строительства нации» [Кумыков, 2008, с. 16] в качестве некоего «совершенного образа» [Шишкин, 2011, с. 8], основанием которого «является идея “общего блага” как фундаментальной... цели государственности» [Кумыков, 2008, с. 16—17], актуализирующая и эксплуатирующая культурные ценности большинства представителей социума [Dubrovskaya, 2012, p. 110].

Представляется, что формула *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* в институциональном дискурсе становится специальным инструментом выражения ключевого для XX—XXI веков концепта ЕДИНСТВО [Гаврилова, 2010], а также создания семантики единства, присущей содержанию Стратегии в целом [Дубровская, 2022, с. 223].

Здесь, на наш взгляд, достаточно явно прослеживается связь с гиперидеологизированной концепцией многонационального советского народа, в соответствии с которой релевантными признаками единства являлись *общность марксистско-ленинской идеологии, высоких целей строительства коммунистического общества и единодушное одобрение политики Коммунистической партии* [КПСС, 1971, с. 101].

В основе нашей работы лежит предположение о том, что субъект, определяемый формулой *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)*, или *сообщество свободных равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием* [Стратегия, п. 4.2], является базовой для институционального национального дискурса идеологемой, основанной на семантике единства (ср. значение наименования *сообщество* в структуре дефиниции — ‘Объединение лиц, связанных общими интересами, целями’ [МАС, т. 4, с. 196]).

Таким образом, актуальность исследования обусловливается тем обстоятельством, что изучение отдельных разновидностей институционального дискурса Российской Федерации позволяет выявить активные инструменты репрезентации государственной идеологии на настоящем этапе развития дискурса власти.

Новизна видится в том, что на материале современного институционального национального дискурса выделяется и оценивается такое средство воздействия, как норма, сочетающая правовой и идеологический характер.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В качестве материала исследования, как мы уже указывали, была избрана Стратегия в редакции 2018 года. Данный источник относится к «важ-

ным политико-правовым текстам, которые определяют цели и принципы внутренней и внешней национальной политики РФ, а также фиксируют стратегические национальные приоритеты России», кроме того, «определяют аксиологию взаимодействия акторов социальных отношений» [Дубровская, 2022, с. 214, 215]. Очевидно, что Стратегия в силу своей жанровой специфики предлагает обществу максимально обобщенное, притом преимущественно расходящееся с реальным положением дел, идеализированное представление о полезном итоге реализации государственной национальной политики — о необходимых и подлинных, по мнению законодателя, формах гражданского единства и гражданской идентичности. Такой компонент государственной идеологии призван выступить «as the socio-cognitive interface between the (mental) social representations shared by the group, and the social identity... of the group and its members» («в качестве социально-когнитивного интерфейса между (ментальными) социальными представлениями, разделяемыми группой, и социальной идентичностью... группы и ее членов») [van Dijk, 1998, p. 71] (здесь и далее перевод наш. — Л. Г.), то есть репрезентация субъекта как образа результата национальной политики должна восприниматься инструментом для воздействия на адресата Стратегии, соотносящего себя с данным субъектом.

Таким образом, цель нашего исследования — выявить семантические и прагматические характеристики репрезентации субъекта посредством формулы *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)*.

Достижение указанной цели возможно с помощью методов семантического, прагматического и концептуального анализа.

Процедура исследования предусматривает 1) выделение в Стратегии контекстов, в которых функционирует формула *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)*, ее компонент *российская нация* или релевантные признаки субъекта национальной политики, указанные в определении формулы; контекстов, которые соотносятся с формулой, конкретизируют ее семантику; 2) анализ значения лексических средств, определяющих семантическую структуру формулы, ее правовую и идеологическую природу (здесь оценивается способность лексем функционировать в составе регулярных для Стратегии коллокаций, выражать аксиологическую семантику); 3) характеристику особенностей реализации деонтической модальности формулой и контекстами, репрезентирующими субъекта национальной политики.

В основу исследования легли труды, изучавшие семантику единения / единства в условиях дискурсов политико-правового характера [Герасимова, 2000; Дубровская, 2022; Семёхина и др., 2022; Щетинина, 2021]. Теоретической базой послужили работы, посвященные описанию идеологемы

как феномена языка и дискурса [Журавлев, 2004; Клушина, 2008; Купина, 2015; Малышева, 2009; Романова, 2019; Чудинов, 2006; Dijk van, 1998], концептов НАРОД, НАЦИЯ [Жданова, 2000], ИСТИНА [Арутюнова, 1999], ДОЛГ [Булыгина и др., 1991; Кошелев, 2000]; посвященные исследованию семантики оценки [Арутюнова, 1999; Ивин, 1970], деонтической [Туровская, 1990] и эпистемической [Nuyts, 2001] модальности. Кроме того, учитывались работы, изучавшие соотношение понятий «многонациональный народ» и «российская нация» с политологических [Колесников, 2018; Муштук, 2017] и философских [Халтурин, 2015] позиций.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Идеологическая природа формулы *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)*

Мы рассматриваем формулу *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* в качестве особого средства языка власти [Блакар, 1987], являющегося «словом идеолога» [Бахтин 1975, с. 146] или «семантико-тематическим обозначением духовных ценностей» [Караулов, 1987, с. 82]. Данная формула воспринимается как особая лексическая единица [Купина, 2015; Чудинов, 2006], являющаяся средством выражения когнитивных [Клушина, 2008; Малышева, 2009] и аксиологических [Журавлев, 2004] категорий в зависимости от аспекта рассмотрения.

Как часть инструментария языка власти, или «вербально закреплённого идеологического предписания» [Купина, 2015, с. 17, 18], предмет настоящего исследования реализует семантические компоненты, соотносимые с элементами системы идеологических универсалий, которую выстраивает государство, влияя на общество, то есть является отражением, или «средством языковой объективизации», «особого типа многоуровневого концепта, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки» [Малышева, 2009, с. 34, 35]. Одновременно с этим *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* — безусловное средство трансляции определенных аксиологических установок власти — эмоционально-интеллектуальной оценки, опирающейся на идеологические концепты [Романова 2019, с. 6, 14, 16—21], призванной воздействовать посредством идеологического образа, способного при восприятии продуцировать необходимые автору оценки. В этом случае исследуемая формула соотносится с мифом (по Р. Барту), который, «являясь результатом вторичного (ценностного) семиозиса, словно наслаивается на первичную (языковую) знаковую основу» [Журавлев, 2004, с. 10]. Внешнее и внутреннее содержание идеологии ценностно актуализируется [Журавлев, 2004, с. 10] в определенных

политико-правовых условиях. Адресность мифа, его ценностная природа, «императивность отклика» [Барт, 2019, с. 277, 282, 283], унаследованные идеологемой, потенциально определяют ее апеллятивность, то есть способность реализовать «значение побуждения к речевому или посткоммуникативному действию» в случае «референциальной определенности субъектов общения» [Комлева, 2015, с. 7, 26].

Таким образом, с помощью такого аксиологического инструмента, как формула *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)*, автор институционального национального дискурса предполагает не только создать «коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка» [Малышева 2009, с. 35], но и вызвать ожидаемую реакцию, за которой условия институционального государственного дискурса позволяют установить контроль [Комлева, 2011, с. 106].

3.2. Нормативная природа формулы *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)*

Принимая во внимание, что формула *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* возникла именно в документе, который «встроен в систему права» [Говорухина, 2021, с. 17], реализует в том числе прескриптивные иллюкуции, мы предполагаем, что она по-особенному отражает аксиологические представления автора и адресата институционального национального текста. И эта особенность основана на сравнении «должного и сущего» в качестве «идеального и реального» [Герасимова, 2000, с. 9], где «идеальное» оценивается как «добро», «реальное» — как «зло» или «плохо» [Арутюнова, 1999, с. 183—200; Ивин, 1970, с. 52—136].

Автор выстраивает общий план, основанный на его предположении о достижимости «идеального» в результате полезной деятельности, производимой адресатом, испытывающим законотворческое воздействие. Адресат принимает на себя обязательство реализовать эту полезную деятельность, так как в его случае достижение «идеального» является обязанностью.

Автор Стратегии предполагает наличие у субъекта, определяемого формулой *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)*, двух релевантных признаков:

— *гражданское единство — основа российской нации, признание гражданами Российской Федерации суверенитета государства, его целостности, единства правового пространства, этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, исторического и культурного наследия народов Российской Федерации, равных прав на социальное и культурное развитие, на доступ к социальным и культурным ценностям, солидарность граждан в достижении целей и решении задач развития общества;*

— *общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание)* — осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества [Стратегия, п. 4.2].

Общий характер этих признаков определяется предикатами, представляющими ментальную трансформацию субъекта (ср. *самосознание* в значении ‘Полное понимание самого себя, своего значения, своей роли в жизни, обществе’ [МАС, т. 4, с. 23]; *осознание*, реализующее значение действия ‘Понять, уразуметь’ [МАС, т. 2, с. 652]), связанную с изменением его 1) нормативных (ср. *признание*, номинирующее действие ‘Посчитать что-л. имеющим законную силу, утвердить своим согласием право на существование кого-, чего-л.’ [МАС, т. 3, с. 410—411], в сочетании с юридическими терминами *суверенитет государства, целостность, единство правового пространства*); 2) эпистемических (ср. *признание*, называющее действие ‘Согласиться с чем-л., счесть истинным, действительным что-л.’ [МАС, т. 3, с. 410—411], направленное на общие культурные и социальные ценности: *этнокультурное и языковое многообразие, историческое и культурное наследие* и т. д.) и 3) этических (ср. *солидарность* в значении ‘Активное сочувствие каким-л. действиям или мнениям, единство мыслей, интересов’ [МАС, т. 4, с. 189—190]; *приверженность*, включающее смы ‘преданность’, ‘верность’ [МАС, т. 3, с. 394]) установок. То есть подразумевается, что субъект национальной политики испытывает воздействие, предметом которого является категория единства, определяемая сочетанием *гражданское единство*, актуализирующим «смы абсолютного предельного состояния» [Щетинина, 2021, с. 19] на трех уровнях.

На правовом уровне (*единство правового пространства*) наименование *единство* реализует свое основное значение ‘Цельность, нераздельность’ [МАС, т. 1, с. 463], подчеркивая идею монолитности государства (ср. *признание гражданами Российской Федерации суверенитета государства, его целостности*), являющуюся ключевой для политического дискурса начала XXI века [Гаврилова, 2010, с. 16].

На социокультурном уровне (*этнокультурное и языковое многообразие Российской Федерации, историческое и культурное наследие ее народов*) единство реализуется в сущности различных видов и форм (ср. значение *многообразие* [МАС, т. 2, с. 282]), воспринимается как ‘Сочетание в одном целом, неразрывность связи’ [МАС, т. 1, с. 463], «состоит в факте объединения различающихся характеристик (культур, языков) или разных социальных акторов (народов, национальностей)» [Дубровская, 2022,

с. 224]. В этом случае автор специально уточняет признак цельности через характеристику иерархической тождественности (ср. *равных прав на социальное и культурное развитие, на доступ к социальным и культурным ценностям*, где *равный* актуализирует значение ‘Одинаковый, совершенно сходный, такой же (по величине, качеству, достоинству и т. п.)’ [MAC, т. 3, с. 578]), указывая на одинаковость не только сущности, но и статуса.

На субъектном уровне единство, или цельность, является не только «фундаментальной ценностью» [Гаврилова, 2010, с. 16], но и аксиологической основой деятельности политического субъекта (ср. *солидарность граждан в достижении целей и решении задач развития общества*, где *солидарность* выступает контекстуальным синонимом наименования *единство*, реализуя значение единства как факта, а не процесса [Семёхина и др., 2022, с. 152]).

Данная аксиологическая основа находит определение в описании второго релевантного признака «общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание)», который трактует единство как *принадлежность к своему государству, народу, обществу* на основе общей тождественности (ср. значение наименования *идентичность* [MAC, т. 1, с. 630]). В этом случае условием единства является внутренняя необходимость субъекта (ср. *ответственность* в основном значении [MAC, т. 2, с. 668], *необходимость*), предметом которой становятся *судьба страны, гражданские права и обязанности, базовые ценности российского общества*. Данная необходимость репрезентируется как мотивированная пониманием самого себя, своего значения, своей роли в национальной политике (ср. значение наименований *самосознание* [MAC, т. 4, с. 23], *осознание* [MAC, т. 2, с. 652]).

В целом возможно констатировать, что полезный результат национальной политики Стратегией представляется с помощью категории единства (равного цельности, условно — цельного единства), определяющей состояние ее субъекта. Кроме того, мы видим, что формула *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* репрезентируется Стратегией в качестве диффузной нормы, объединяющей гипотетический и категорический императивы (по И. Канту). «Императив категоричен, если его источник находится внутри разумного существа. Гипотетические императивы представляют практическую необходимость» [Герасимова, 2000, с. 12]. Такое противоречие объясняется несходством оснований оценок итога национальной политики у автора и адресата, соотносящего себя с политическим субъектом.

3.3. Формула многонациональный народ Российской Федерации (российская нация) как правовая норма

Для автора Стратегии основанием оценки состояния субъекта национальной политики являются внешние, объективные представления о «до-

бре», для достижения которого существуют «необходимые средства» [Туровская, 1990, с. 11], обладающие «утилитарной ценностью» [Ивин, 1970, с. 137—168]. Такие «полезные» приемы представляются как ситуации, структуру которых составляют процессы, их объекты (выделенные выше релевантные признаки субъекта национальной политики) и, факультативно, отдельные инструменты.

Выделяется четыре вида подобных ситуаций, которые дифференцируют предикаты, организующие регулярные для Стратегии коллокации.

Ситуация воспитания выделяется наименованием *формирование*, в контексте Стратегии актуализирующим значение ‘Вырабатывать, воспитывать в ком-л. определенные качества, черты характера’ [МАС, т. 4, с. 577]: *совершенствование образовательных программ на различных уровнях образования, а также учебно-методических комплексов по изучению исторического опыта взаимодействия народов Российской Федерации и значимых событий, повлиявших на формирование общероссийского единства и солидарности* [Стратегия, п. 21.1].

Ситуация укрепления представляется с помощью содержащего предикативный смысл субстантива *укрепление*, реализующего значение ‘Сделать более крепким, основательным; упрочить’ [МАС, т. 4, с. 483]: *укрепление гражданского единства, гражданского самосознания...* [Стратегия, п. 5]; *в сфере укрепления общероссийской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации* [Стратегия, п. 21.1].

Ситуация сохранения организуется лексемой *сохранение*, называющей действие ‘Не нарушить, не изменить, не дать нарушиться или измениться’ или состояние ‘Остаться в силе, в действии, в прежнем состоянии, не измениться’ [МАС, т. 4, с. 213]: *сохранение самобытности многонационального народа Российской Федерации (российской нации)* [Стратегия, п. 5].

Ситуация приумножения обозначается наименованием *приумножение* в значении ‘Еще более увеличить, умножить’ [МАС, т. 3, с. 453]: *сохранение и приумножение духовного, исторического и культурного наследия и потенциала многонационального народа Российской Федерации (российской нации)* [Стратегия, п. 21.1].

Нельзя сказать, что выделенные ситуации представляют собой последовательные стадии общего процесса достижения итога национальной политики, они сопутствуют друг другу или накладываются друг на друга, как, например, ситуации сохранения и приумножения.

Таким образом, общий план законодателя по достижению состояния «цельного единства» субъекта как итога национальной политики представ-

ляет собой описание ситуаций каузации отдельных релевантных признаков. Реализация подобных ситуаций, по предположению автора, составляет обязанность, обусловленную определенными «социальными конвенциями» и «местом в социальной структуре» [Булыгина и др., 1991, с. 19].

Важно отметить, что в нормативном плане образ итога национальной политики, представляемый формулой *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)*, соотносится не только с инструктивным побуждением, но и с «общим деонтическим суждением», которое «обычно формулируется как отрицание аномалии» [Арутюнова, 1999, с. 570], то есть предполагает контрастивную репрезентацию. Так, если состояние «цельного единства» субъекта национальной политики предполагается в качестве нормы, то *проблемы в сфере межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений* [Стратегия, п. 14] оцениваются в качестве аберраций. Такие аномалии определяют наименования, реализующие в контексте Стратегии семантику нарушения единства: *дискриминация, конфликты на национальной и религиозной почве, международный терроризм и экстремизм, межнациональная и религиозная рознь, гиперболлизация региональных интересов и сепаратизм, этнотерриториальные конфликты и противоречия* и т. д. [Стратегия, п. 4.2, 14].

За счет выстраивания оппозиций по шкале «должное и сущее», «идеальное и реальное» [Герасимова, 2000, с. 9] аномалии, будучи «сущим» и «реальным», в контексте Стратегии приобретают несомненный «отрицательный аксиологический статус» [Дубровская, 2022, с. 233].

3.4. Формула *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* как идеологическая норма

Стратегией предполагается, что субъект национальной политики в результате воздействия на него складывает в основание оценки состояния «цельного единства» свои внутренние представления об этическом (добродетельно / порочно), которые возникают в результате признания неутилитарного долга [Булыгина, 1991, с. 17] перед государством.

Постулируемая Стратегией необходимость воспитывать, укреплять, сохранять и приумножать релевантные признаки субъекта (см. ситуации, представляющие приемы достижения «полезного» итога национальной политики) может свидетельствовать о предположении о существовании в сознании [Кошелев, 2000, с. 123] субъекта конфликта между его собственными интересами и интересами государства. Собственно говоря, разрешение этого конфликта, или исполнение долга, в представлении автора способствует достижению состояния «цельного единства».

Такой долг возможно описать семантической формулой, предложенной А. Д. Кошелевым: «Долг 1 X-а (субъекта) перед Y-ом (автором) = Действие

Х-а (субъекта) в защиту интересов Y-а (автора) в следующей ситуации: а) X (субъект) любит 1 Y-а (автора); б) интересы Y-а в рассматриваемый момент ущемлены (или имеет место угроза его интересам); в) X (субъект) способен защитить интересы Y-а (автора), но г) лишь ценой утраты каких-то своих собственных ценностных ресурсов или возможностей, д) которые он не хотел бы терять' [Кошелев, 2000, с. 123].

Важно отметить, что состояние «цельного единства» субъекта национальной политики, являясь «идеальным», претендует на статус истины, который ему обеспечивает его этическая природа. Истинность — неотъемлемая характеристика «идеального»: «Истина понимается как Закон, по соответствию которому оцениваются человеческие действия. <...> Язык Истины как законоуложения пользуется деонтической модальностью» [Арутюнова, 1999, с. 549]. В этом случае формула *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)*, как и любая идеологическая норма [Голиков, 2022], «в какой-то мере перекликается с онтологической интерпретацией права и морали Лейбница [Герасимова, 2000, с. 10—11], когда субъект идеологической нормы «мыслится идеально как разумное существо, которое наделено способностью проводить» некий идеологический идеал «в актах творения», то есть требуемое состояние единства субъекта национальной политики соотносится с абсолютной истиной, «вечной, неизменной, единственной и принадлежащей к идеальному миру», открывающейся человеку, а не открываемой человеком [Арутюнова, 1999, с. 544, 545].

Состояние единства субъекта национальной политики, будучи истиной, противостоит «недолжному, а не ложному» [Арутюнова, 1999, с. 549], однако в понимании автора Стратегии «недолжное» может основываться на «ложном»: идеологические представления, мотивирующие отрицательно оцениваемые aberrации, однозначно воспринимаются противопоставленными истинному. Так, *международный терроризм и экстремизм, радикальные идеи* истекают из *национальной и религиозной исключительности* (здесь *исключительность* реализует значение 'Обособленность, замкнутость, основанная на идее чьей-либо особености или превосходства' [МАС, т. 1, с. 677]), а *очаги межнациональной и религиозной розни* возникают в результате попыток пропаганды в стране *экстремистской идеологии* [Стратегия, п. 14].

Формула *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* является нормой, в семантической структуре которой эпистемичность подчинена этичности, однако первое неразрывно связано со вторым. Здесь, как и в случае мифа [Барт, 2019, с. 282], критерий истинности игнорируется: состояние единства субъекта национальной политики репрезентируется как непреложно (не требующее проверки рациональными средствами) истинное

«in the context of the possible world under consideration» («в контексте рассматриваемого возможного мира»). Такая оценка располагается на крайней положительной позиции «epistemic scale» («эпистемической шкалы») [Nuyts, 2001, p. 22] и предназначена для создания идеального интенционального образа, к которому должен стремиться субъект.

Можно утверждать, что именно этичность и эпистемичность формулы *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* обеспечивает ее идеологический характер. Это не только внешняя норма действия, но и внутренняя норма чувства и мысли. Так, ситуации воспитания, укрепления, сохранения, приумножения как ситуации достижения «полезного» результата национальной политики в качестве объекта или инструмента казуации подразумевают преимущественно образ мыслей или эмоциональное состояние субъекта: *формирование гражданского самосознания, патриотизма, чувства гордости за историю России* [Стратегия, п. 21.1]; *укрепление гражданского самосознания* [Стратегия, п. 5]; *сохранение и приумножение... посредством пропаганды идей патриотизма, единства и дружбы народов, межнационального (межэтнического) согласия* [Стратегия, п. 21.1].

Таким образом, формула *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* репрезентируется и как идеологическая норма, представляющая собой некий образец чувства и мысли, необходимый для достижения субъектом состояния «цельного единства».

4. Заключение = Conclusions

В Стратегии формула *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* выступает особым аксиологическим инструментом языка власти, предназначенным вызвать запланированную и контролируемую автором реакцию субъекта в виде приобретения состояния «цельного единства».

Предполагаемое состояние субъекта национальной политики характеризуется признаками *гражданское единство и общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание)*, реализующими семантику цельного единства на трех уровнях:

- правовом, связанном с монолитностью государства;
- социокультурном, предполагающем иерархическую тождественность сущности и статуса различных форм и видов *этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, наследия народов Российской Федерации*;
- субъектном, представляющем аксиологическую основу деятельности актора, определяемого формулой.

Приобретение субъектом состояния «цельного единства» подразумевает ментальную трансформацию, связанную с изменением нормативных,

эпистемических и этических установок, поэтому формула *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* оценивается как диффузная норма правового и идеологического характера.

Репрезентируя формулу в правовом аспекте, автор Стратегии устанавливает утилитарные приемы достижения «полезного» итога национальной политики, или ситуации каузации релевантных признаков субъекта, которые представляют регулярные коллокации, организуемые предикатами *формирование, укрепление, сохранение, приумножение*. Реализация подобных ситуаций составляет внешне мотивированную нормативную обязанность субъекта национальной политики.

Кроме того, в Стратегии реализуется правовая репрезентация формулы в качестве «общего деонтического суждения» [Арутюнова, 1999, с. 570], предполагающего контраст аксиологических статусов по шкале «должное и сущее», «идеальное и реальное» [Герасимова, 2000, с. 9], когда состояние «цельного единства» (норма) оценивается в качестве должного «идеального», а отдельные виды нарушения данного состояния (абerrации) — в качестве отрицательного «реального».

В основе репрезентации формулы *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* как идеологической нормы лежит предположение о признании политическим субъектом в результате воздействия неутилитарного долга перед государством, основанного на его внутренних представлениях о добродетельном / порочном, опирающихся, в свою очередь, на эпистемическую оценку состояния «цельного единства» в качестве непреложной истины.

Таким образом, в Стратегии формула представляет образец чувства и мысли, который должен способствовать достижению состояния «цельного единства» субъектом национальной политики.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. МАС — *Словарь* русского языка : в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — Изд. 4-е, стер. — Москва : Русский язык, Полиграфресурсы, 1999.
2. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // Принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. — Режим доступа : <http://ivo.garant.ru/#/document/10103000/paragraph/52419/doclist/4052/showentries/0/highlight/конституция:10> (дата обращения 12.06.2023).
3. КПСС. Съезд, 24-й. 30 марта — 9 апреля 1971 года. Стенографический отчет. В 2-х томах. — Москва : Политиздат, 1971. — Т. 1. — 598 с.
4. О премии Президента Российской Федерации за вклад в укрепление единства российской нации [Электронный ресурс] // Указ Президента РФ от 26 апреля 2016 г.

№ 200. — Режим доступа : <http://ivo.garant.ru/#/document/71385248/paragraph/1/doclist/4148/showentries/0/highlight/российская%20нация:2> (дата обращения 12.06.2023).

5. Стратегия — *О стратегии* государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] // Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666. (ред. от 06.12.2018). — Режим доступа : <http://ivo.garant.ru/#/document/70284810/paragraph/1:6> (дата обращения 14.06.2023).

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 896 с. — ISBN 5-7859-0027-0.

2. Барт Р. Мифологии / Р. Барт. — Москва : Академический проект, 2019. — 351 с. — ISBN 978-5-8291-2326-0.

3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 504 с.

4. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. — Москва : Прогресс, 1987. — С. 88—120.

5. Булыгина Т. В. Концепт долга в поле должествования / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Культурные концепты. — Москва : Наука, 1991. — С. 14—21.

6. Гаврилова М. В. Развитие содержательных форм концепта "единство" в русском политическом дискурсе XX—XXI веков / М. В. Гаврилова // Политическая лингвистика. — 2010. — № 4 (34). — С. 13—18.

7. Герасимова И. А. Деонтическая логика и когнитивные установки / И. А. Герасимова // Логический анализ языка : Языки этики. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 7—16. — ISBN 5-7859-0156-0.

8. Говорухина Ю. В. Стратегия как правовой документ : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Ю. В. Говорухина. — Нижний Новгород, 2021. — 29 с.

9. Голиков Л. М. Идеологическая норма в дискурсе государственного антисемитизма СССР (на материале документов 1946—1953 гг.) / Л. М. Голиков // Вестник Вологодского государственного университета. Серия : Исторические и филологические науки. — 2022. — № 3 (26). — С. 83—86.

10. Джioева В. П. Реализация концептов единство / иудизма в югоосетинском политическом дискурсе в ситуации русско-осетинского двуязычия / В. П. Джioева, Т. Ю. Тамерьян // Политическая лингвистика. — 2017. — № 4. — С. 53—59.

11. Дубровская Т. В. Маркеры единения в правовом и политико-правовом дискурсе / Т. В. Дубровская // Лики единения в языке и дискурсе : монография. — Екатеринбург : Ажур, 2022. — С. 196—264. — ISBN 978-5-91256-571-7.

12. Жданова Л. А. Народ и нация: соотношение понятий и концептов / Л. А. Жданова // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова. Вопросы русского языкознания. — Москва : Изд-во МГУ, 2000. — С. 162—172.

13. Журавлев С. А. Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / С. А. Журавлев. — Казань, 2004. — 23 с.

14. Ивин А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. — Москва : Издательство Московского университета, 1970. — 229 с.

15. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1987. — 197 с.
16. *Клушина Н. И.* Интенциональные категории публицистического текста : на материале периодических изданий 2000—2008 гг. : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.10 / Н. И. Клушина. — Москва, 2008. — 57 с.
17. *Колесников В. А.* Российская нация и многонациональный народ / В. А. Колесников // Теории и проблемы политических исследований. — 2018. — Т. 7. — № 5А. — С. 182—192.
18. *Комлева Е. В.* К вопросу о соотношении текстовых категорий адресованности и апеллативности (на материале современного немецкого языка / Е. В. Комлева // Мир науки, культуры, образования. — 2011. — № 4—2 (29). — С. 105—109.
19. *Комлева Е. В.* Функционально-семантическая категория апеллативности как фактор текстообразования : на материале современного немецкого языка : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.04 / Е. В. Комлева. — Санкт-Петербург, 2015. — 44 с.
20. *Кошелев А. Д.* О языковом концепте 'долг' / А. Д. Кошелев // Логический анализ языка : Языки этики. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 119—124.
21. *Кумыков А. М.* Национальный идеал российской государственности : социально-философский анализ : автореферат диссертации ... доктора философских наук : 09.00.11 / А. М. Кумыков. — Ростов-на-Дону, 2008. — 302 с.
22. *Купина Н. А.* Тоталитарный язык : словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 186 с. — ISBN 978-5-7996-1429-4.
23. *Лики единения в языке и дискурсе : монография* / Т. В. Дубровская, А. Н. Кислицина, Т. В. Леонтьева, Л. Н. Ребрина, А. С. Семехина, А. В. Щетинина ; под ред. Т. В. Леонтьевой. — Екатеринбург : Ажур, 2022. — 292 с. — ISBN 978-5-91256-571-7.
24. *Малышева Е. Г.* Идеологема как лингвокогнитивный феномен : определение и классификация / Е. Г. Малышева // Политическая лингвистика. — 2009. — Выпуск 4 (30). — С. 32—41.
25. *Муштук О. З.* Российская нация или российский народ? / О. З. Муштук // Журнал политических исследований. — 2017. — Т. 1. — № 4. — С. 1—14.
26. *Поздеев И. Л.* Роль этнических стереотипов в процессе межкультурного взаимодействия (на примере удмуртского этноса) / И. Л. Поздеев, Т. Н. Русских // Манускрипт. — 2018. — № 11—1 (97). — С. 55—59. — DOI: 10.30853/manuscript.2018-11-1.12.
27. *Романова Т. В.* Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности / Т. В. Романова. — Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2019. — 120 с. — ISBN 978-5-89533-444-7.
28. *Руженцева Н. Б.* Интеграционные процессы в межнациональном взаимодействии : смена парадигм / Н. Б. Руженцева // Политическая лингвистика. — 2013. — № 4 (46). — С. 77—84.
29. *Семёхина А. С.* Языковая репрезентация идеи национального единения в медийном дискурсе / А. С. Семехина, А. В. Щетинина // Лики единения в языке и дискурсе : монография. — Екатеринбург : Ажур, 2022. — С. 148—168. — ISBN 978-5-91256-571-7.
30. *Стрельников К. А.* Государственно-правовая стратегия как категория современной юридической науки / К. А. Стрельников // Государственная власть и местное самоуправление. — 2009. — № 8. — С. 3—5.
31. *Туровская С. Н.* О семантической зоне модальности необходимости в русском языке / С. Н. Туровская // Ученые записки Тартуского университета. Функциональные и семантические проблемы описания русского языка. — 1990. — Выпуск 896. — С. 4—40.

32. Халтурин А. Н. Российская нация и этнокультурное взаимодействие / А. Н. Халтурин // Общество : философия, история, культура. — 2015. — № 6. — С. 21—23.
33. Чудинов А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — 254 с. — ISBN 978-5-89349-897-4.
34. Шишкин В. А. Русский национальный идеал в структуре национального самосознания : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 09.00.13 / Шишкин Василий Архипович. — Омск, 2011. — 19 с.
35. Щетинина А. В. 1000 слов единения и вражды начала XXI века : идеографический словарь / А. В. Щетинина. — Екатеринбург : Ажур, 2022. — 586 с. — ISBN 978-5-91256-572-4.
36. Щетинина А. В. Языковая репрезентация идеи национального единения в медийном дискурсе / А. В. Щетинина, А. С. Семёхина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2021. — № 1. — С. 18—27.
37. Dubrovskaya T. Representations of ideological and cultural values in modern Russian political discourse / T. Dubrovskaya, T. Kharlamova // Philologia Hispalensis. — 2012. — № 26 / 1—2. — Pp. 107—127.
38. Nuyts J. Epistemic modality, language, and conceptualization : a cognitive-pragmatic perspective / J. Nuyts. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2001. — 429 p. — ISBN 90 272 2357 2.
39. Van Dijk Teun A. Ideology : A Multidisciplinary Approach / Teun A. van Dijk. — London ; Thousand Oaks ; New Delhi : Sage Publications, 1998. — 384 p. — ISBN 0 7619 5654 9.

*Статья поступила в редакцию 16.06.2023,
одобрена после рецензирования 12.08.2023,
подготовлена к публикации 20.08.2023.*

Material resources

- MAS — *Dictionary of the Russian language: in 4 volumes*. (1999). Moscow: Russian language, Polygraph Resources. (In Russ.).
- On the Award of the President of the Russian Federation for contribution to strengthening the unity of the Russian nation. *Decree of the President of the Russian Federation of April 26, 2016, 200*. Available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/71385248/paragraph/1/doclist/4148/showentries/0/highlight/российская%20нация:2> (accessed 12.06.2023). (In Russ.).
- Strategy — On the strategy of the State national policy of the Russian Federation for the period up to 2025. *Decree of the President of the Russian Federation dated December 19, 2012, 1666. (ed. from 06.12.2018)*. Available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/70284810/paragraph/1:6> (accessed 14.06.2023). (In Russ.).
- The Constitution of the Russian Federation. *Adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the All-Russian vote on July 1, 2020*. Available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/10103000/paragraph/52419/doclist/4052/showentries/0/highlight/конституция:10> (accessed 12.06.2023). (In Russ.).
- The CPSU. Congress, 24th. March 30—April 9, 1971. Verbatim report. In 2 volumes, 1.* (1971). Moscow: Politizdat. 598 p. (In Russ.).

References

- Arutyunova, N. D. (1999). *Language and the human world*. Moscow: Languages of Russian culture. 896 p. ISBN 5-7859-0027-0. (In Russ.).

- Bakhtin, M. M. (1975). *Questions of literature and aesthetics. Studies of different years*. Moscow: Fiction. 504 p. (In Russ.).
- Bart, R. (2019). *Of Mythology*. Moscow: Academic Project. 351 p. ISBN 978-5-8291-2326-0. (In Russ.).
- Blakar, R. M. (1987). Language as an instrument of social power. In: *Language and modeling of social interaction*. Moscow: Progress. 88—120. (In Russ.).
- Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. (1991). The concept of duty in the field of duty. In: *Logical analysis of language. Cultural concepts*. Moscow: Nauka. 14—21. (In Russ.).
- Chudinov, A. P. (2012). *Political linguistics*. Moscow: Flint: Nauka. 254 p. ISBN 978-5-89349-897-4. (In Russ.).
- Dubrovskaya, T. V. (2022). Markers of unity in legal and political-legal discourse. In: *Faces of unity in language and discourse: monograph*. Yekaterinburg: Azhur. 196—264. ISBN 978-5-91256-571-7. (In Russ.).
- Dubrovskaya, T., Kharlamova, T. (2012). Representations of ideological and cultural values in modern Russian political discourse. *Philologia Hispalensis*, 26 / 1—2: 107—127.
- Dzhioeva, V. P., Tamerian, T. Y. (2017). Realization of unity concepts / judzinad in South Ossetian political discourse in the situation of Russian-Ossetian bilingualism. *Political linguistics*, 4: 53—59. (In Russ.).
- Gavrilova, M. V. (2010). Development of meaningful forms of the concept of “unity” in the Russian political discourse of the XX—XXI centuries. *Political Linguistics*, 4 (34): 13—18. (In Russ.).
- Gerasimova, I. A. (2000). Deontic logic and cognitive attitudes. In: *Logical analysis of language: Languages of ethics*. Moscow: Languages of Russian Culture. 7—16. ISBN 5-7859-0156-0. (In Russ.).
- Golikov, L. M. (2022). The ideological norm in the discourse of state anti-Semitism of the USSR (based on documents from 1946—1953). *Bulletin of Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences*, 3 (26): 83—86. (In Russ.).
- Govorukhina, Yu. V. (2021). *Strategy as a legal document*. Author’s abstract of PhD Diss. Nizhny Novgorod. 29 p. (In Russ.).
- Ivin, A. A. (1970). *Bases of logic of estimates*. Moscow: Moscow University Press. 229 p. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (1987). *Russian language and linguistic personality*. Moscow: Nauka. 197 p. (In Russ.).
- Khalturin, A. N. (2015). The Russian nation and ethno-cultural interaction. *Society: philosophy, history, culture*, 6: 21—23. (In Russ.).
- Klushina, N. I. (2008). *Intentional categories of journalistic text: based on the material of periodicals 2000—2008*. Author’s abstract of Doct. Diss. Moscow. 57 p. (In Russ.).
- Kolesnikov, V. A. (2018). The Russian nation and the multinational people. *Theories and problems of political research*, 7 (5A): 182—192. (In Russ.).
- Komleva, E. V. (2011). On the question of the correlation of textual categories of addressability and appeal (based on the material of the modern German language. *The world of science, culture, education*, 4—2 (29): 105—109. (In Russ.).
- Komleva, E. V. (2015). *Functional-semantic category of appeal as a factor of text formation: based on the material of the modern German language*. Author’s abstract of Doct. Diss. St. Petersburg. 44 p. (In Russ.).
- Koshelev, A. D. (2000). On the linguistic concept of ‘duty’. In: *Logical analysis of language: Languages of ethics*. Moscow: Languages of Russian Culture. 119—124. (In Russ.).

- Kumykov, A. M. (2008). *The national ideal of Russian statehood: socio-philosophical analysis*. Author's abstract of Doct. Diss. Rostov-on-Don. 302 p. (In Russ.).
- Kupina, N. A. (2015). *Totalitarian language: Vocabulary and speech reactions*. Yekaterinburg: Ural Publishing House, Univ. 186 p. ISBN 978-5-7996-1429-4. (In Russ.).
- Leontieva, T. V. (ed.). (2022). *Faces of unity in language and discourse: monograph*. Yekaterinburg: Azhur. 292 p. ISBN 978-5-91256-571-7. (In Russ.).
- Malysheva, E. G. (2009). Ideologeme as a linguocognitive phenomenon: definition and classification. *Political Linguistics*, 4 (30): 32—41. (In Russ.).
- Mushtuk, O. Z. (2017). The Russian nation or the Russian people? *Journal of Political Studies*, 1 (4): 1—14. (In Russ.).
- Nuyts, J. (2001). *Epistemic modality, language, and conceptualization: a cognitive-pragmatic perspective*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 429 p. ISBN 90 272 2357 2.
- Pozdeev, I. L., Russian, T. N. (2018). The role of ethnic stereotypes in the process of interethnic interaction (on the example of the Udmurt ethnos). *Manuscript*, 11—1 (97): 55—59. DOI: 10.30853/manuscript.2018-11-1.12. (In Russ.).
- Romanova, T. V. (2019). *Ideologems and axiologems of Russian language consciousness as a reflection of constants and dynamics of national mentality*. Nizhny Novgorod: DECOM. 120 p. ISBN 978-5-89533-444-7. (In Russ.).
- Ruzhentseva, N. B. (2013). Integration processes in interethnic interaction: paradigm shift. *Political linguistics*, 4 (46): 77—84. (In Russ.).
- Semekhina, A. S., Shchetinina, A. V. (2022). Linguistic representation of the idea of national unity in media discourse. In: *Faces of unity in language and discourse: monograph*. Yekaterinburg: Azhur. 148—168. ISBN 978-5-91256-571-7. (In Russ.).
- Shchetinina, A. V. (2022). *1000 words of unity and enmity of the beginning of the XXI century: an ideographic dictionary*. Yekaterinburg: Azhur. 586 p. ISBN 978-5-91256-572-4. (In Russ.).
- Shchetinina, A. V., Semekhina, A. S. (2021). Linguistic representation of the idea of national unity in media discourse. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 1: 18—27. (In Russ.).
- Shishkin, V. A. (2011). *The Russian national ideal in the structure of national consciousness*. Author's abstract of PhD Diss. Omsk. 19 p. (In Russ.).
- Strelnikov, K. A. (2009). State-legal strategy as a category of modern legal science. *State power and local self-government*, 8: 3—5. (In Russ.).
- Turovskaya, S. N. (1990). On the semantic zone of the modality of necessity in the Russian language. *Scientific notes of the University of Tartu. Functional and semantic problems of describing the Russian language*, 896: 4—40. (In Russ.).
- Van Dijk Teun, A. (1998). *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications. 384 p. ISBN 0 7619 5654 9.
- Zhdanova, L. A. (2000). People and nation: correlation of concepts and concepts. In: *Functional and semantic characteristics of the text, utterances, words. Questions of Russian linguistics*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 162—172. (In Russ.).
- Zhuravlev, S. A. (2004). *Ideologems and their actualization in Russian lexicographic discourse*. Author's abstract of PhD Diss. Kazan. 23 p. (In Russ.).

*The article was submitted 16.06.2023;
approved after reviewing 12.08.2023;
accepted for publication 20.08.2023.*